

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2014 году на сайте этой организации (<http://www.srji.org/resources/search/kushtova-and-others-v-russia/>) Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2014 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО "КУШТОВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ"

(Жалоба № 21885/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

16 января 2014 г.

ВСТУПИЛО В СИЛУ
16 апреля 2014 г.

В текст постановления могут быть внесены редакторские изменения.

В деле «Куштова и другие против России»

Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседавая Палатой в следующем составе:

Изабель Берро-Лефевр, *Председатель*,

Элизабет Штайнер,

Ханлар Гаджиев,

Линос-Александр Сицилианос,

Эрик Мёсе,

Ксения Туркович,

Дмитрий Дедов, *судьи*,

и Сёрен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Проведя 17 декабря 2013 г. совещание за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, которое было утверждено в тот же день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 21885/07) против Российской Федерации, поданной в Суд 21 мая 2007 г. в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ("Конвенция") семью российскими гражданами: г-жой Маржан Айдиевной Куштовой, г-ном Магометом Суламбековичем Куштовым, г-жой Миноуси Суламбековной Цицкиевой, г-жой Мадinou Суламбековной Куштовой, г-ном Мусой Суламбековичем Куштовым, г-жой Фатимой Суламбековной Куштовой и г-жой Хулимат Суламбековной Куштовой ("заявители")

2. Интересы заявителей представляли г-н Р. Лемэтр, г-н А. Николаев, г-н Д. Ицлаев и г-н А. Сакалов, юристы «Правовой инициативы по России» (г. Москва). Интересы российского правительства ("государство-ответчик") представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявители утверждали, в частности, что решение о невозвращении тела их родственника было незаконным и не отвечало требованию пропорциональности в нарушение статей 3, 8 и 9 взятых отдельно, а также в совокупности со статьями 13 и 14 Конвенции. Они также утверждали, что оспариваемое законодательство нарушает презумпцию невиновности погибшего лица.

4. 12 февраля 2009 г. жалоба была коммуницирована государству-ответчику.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявители родились в 1925, 1950, 1954, 1960, 1961, 1966 и 1968 гг. соответственно и проживают в с. Троицкая, Республика Ингушетия.

6. Первая заявительница приходится матерью остальным шести заявителям, а также Исе Куштову. Все они исповедуют ислам.

А. События 10 июля 2006 г.

7. 10 июля 2006 г. Федеральная служба Рита.. вопросбезопасности ("ФСБ") провела военную операцию в с. Экажево в Назрановском районе Республики Ингушетия. В тот же день Директор ФСБ сообщил Президенту России о том, что в результате взрыва группа "боевиков", в том числе их глава, Шамаль Басаев, были "ликвидированы".

8. Операция получила широкую огласку в прессе и в последовавших заявлениях сотрудников ФСБ Иса Куштов, родственник заявителей, был назван в числе погибших лиц.

9. 11 июля 2006 г. заявители 2, 4, 5 и 6 пошли в морг г. Назрани. Все они опознали тело своего брата, Исы Куштова. В тот же день первая заявительница потребовала вернуть тело ее сына для захоронения согласно традициям и обычаям ее народа.

В. Уголовное расследование событий 10 июля 2006 г.

10. 11 июля 2006 г. Генеральная прокуратура возбудила уголовное дело по факту взрыва 10 июля 2006 г. по статьям "терроризм" и "незаконное хранение оружия". В отношении четырех тел и вещественных доказательств, обнаруженных на месте событий, было назначено шестнадцать экспертиз.

11. 16 июля 2006 г. группа мужчин в камуфляжной форме и в масках во главе с прокурором Ш. приехали в дом первой заявительницы. Они приказали ей сдать кровь на анализ для целей идентификации ее сына, Исы Куштова. Заявительница выполнила это требование на следующий день.

12. 25 августа 2006 г. Генеральная прокуратура отказала в удовлетворении требования первой заявительницы о возвращении тела ее сына на том основании, что личность погибших в ходе взрыва 10 июля 2006 г. не была установлена.

13. Государство-ответчик подтвердило, что Иса Куштов погиб в результате проведения контртеррористической операции, направленной на установление местонахождения и ликвидацию Шамиля Басаева.

14. Оно также утверждало, что расследование деятельности Исы Куштова было прекращено 10 октября 2006 г. в связи с его смертью. В ходе расследования было установлено, что Иса Куштов принимал участие в деятельности Шамиля Басаева, а также был установлен факт его смерти 10 июля 2006 г. в ходе подготовки взрывчатых веществ для осуществления нового террористического акта. Тело Исы Куштова было идентифицировано путем молекулярно-генетического исследования. В постановлении от 10 октября 2006 г. также содержится ссылка на заключение, в котором эксперт пришел к выводу о том, что смерть Исы Куштова наступила в период с 9 по 10 июля 2006 г. в результате взрывной травмы.

15. 11 октября 2006 г. следователь прокуратуры на основании п. 3 Постановления № 164 "О погребении лиц, смерть которых наступила в

результате пресечения совершенного ими террористического акта" и Федерального закона «О погребении и похоронном деле» ("Закон № 8-ФЗ") постановил захоронить тела лиц, погибших в ходе взрыва 10 июля 2006 г., в том числе, тело Исы Куштова. Информация о месте захоронения не подлежала разглашению.

С. Судебное обжалование отказа в возвращении тела родственника заявителей

16. Первая заявительница обжаловала отказ прокурора вернуть тело ее сына. 12 октября 2006 г. Назрановский районный суд Республики Ингушетия отклонил ее жалобу без рассмотрения доводов заявительницы. Он подтвердил законность постановления об отказе вернуть тело сына заявительницы для захоронения без рассмотрения вопроса по существу. 21 ноября 2006 г. Верховный Суд Республики Ингушетия оставил в силе указанное судебное решение, вновь оставив без рассмотрения по существу обоснованность решения от 25 августа 2006 г.

17. С 2006 по 2009 гг. заявительница безуспешно пыталась обжаловать в судебном порядке постановление от 11 октября 2006. Ее жалобы не были рассмотрены или были отклонены без рассмотрения по существу обоснованности обжалуемого постановления.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

18. Обобщение применимого национального права приведено в постановлениях *Sabanchiyeva and Others v. Russia*, № 38450/05, §§ 33-37 и 65-90, ECHR 2013 (выдержки) и *Maskhadova and Others v. Russia*, № 18071/05, §§ 116-146, 6 июня 2013 г..

III. ДРУГИЕ ПРИМЕНИМЫЕ ИСТОЧНИКИ

19. Обобщение других применимых источников, на которые ссылаются заявители, приведено в постановлениях *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, §§ 91-96 и *Maskhadova and Others*, цит. выше, §§ 147-150.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

21. Ссылаясь на статью 8 Конвенции, заявители жаловались на отказ властей вернуть тело Исы Куштова. Данная норма Конвенции гласит:

Статья 8 Конвенции

"1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц."

А. Доводы сторон

20. Государство-ответчик утверждало, что постановление от 11 октября 2006 г. было принято в соответствии с ФЗ «О противодействии терроризму», ФЗ «О погребении и похоронном деле» и Постановлением о противодействии терроризму и было обоснованным, с учетом доводов, изложенных в Постановлении Конституционного Суда от 28 июня 2007 г. (см. *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 125). Все заявители получили официальное уведомление и ответы от властей, их доступ к суду в связи с рассматриваемыми решениями не ограничивался.

21. Заявители указали, что отказ властей вернуть тело Исы Куштова был незаконным и не отвечал требованию о пропорциональности. Они утверждали, что законодательные определения "терроризма", "террористической деятельности" и "террористического акта" отличаются неточностью; кроме того, в законе имеется неопределенность в отношении порядка кремации, конкретного должностного лица, уполномоченного принимать данное решение, возможности его обжаловать, правового регулирования сообщения даты захоронения и соблюдения обрядов в ходе похорон. Они также утверждали, что данная мера не отвечала требованию о пропорциональности, так как ни в одной европейской стране не существует аналогичного законодательства; хотя в Израиле ранее существовала такая административная практика, с тех пор она была признана израильскими судами незаконной; такое обращение запрещено международным гуманитарным правом; властям были доступны другие менее ограничительные меры в решении проблем, связанных с терроризмом. Они также утверждали, что применимое законодательство дискриминационно. Кроме того, заявители жаловались, что в рамках национальной правовой системы у них отсутствовали эффективные средства правовой защиты для обжалования отказа вернуть тело Исы Куштова.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

22. На основании представленных материалов Суд приходит к выводу о том, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Он также отмечает, что эта часть жалобы не является неприемлемой по какому-либо иному основанию. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

(а) Применима ли статья 8 в настоящем деле

23. Суд напоминает, что согласно его прецедентной практике по статье 8 понятия "частной жизни" и "семейной жизни" широки и не подлежат исчерпывающему определению (см., например, *Pretty v. the United Kingdom*, № 2346/02, § 61, ECHR 2002-III). В делах *Pannullo and Forte v. France* (№ 37794/97, §§35-36, ECHR 2001-X) и *Girard v. France* (№ 22590/04, § 107, 30 июня 2011 г.) Суд признал, что чрезмерная задержка в возврате тела после вскрытия или в возврате биологических образцов после завершения соответствующего уголовного разбирательства является вмешательством в частную жизнь и в семейную жизнь выживших членов семьи. В деле *Ellis Poluhas Dödsbo v. Sweden* (№ 61564/00, §24, ECHR 2006-I) Суд признал, что отказ передачи урны с прахом мужа заявительницы также может быть рассмотрен в рамках статьи 8. Кроме того, в деле *Hadri-Vionnet v. Switzerland* (№ 55525/00, § 52, 14 февраля 2008 г.) Суд счел, что возможность заявительницы присутствовать на похоронах ее мертворожденного ребенка, а также при сопутствующих процедурах передачи [тела] и церемониальных мероприятиях также может попадать в сферу и частной, и семейной жизни по смыслу статьи 8.

24. Суд далее отмечает, что 11 октября 2006 г. следователь постановил не возвращать тело Исы Куштова заявителям (см. п. 15 выше). Это постановление было принято в соответствии с п. 3 Постановления № 164 от 20 марта 2003 г., и ст. 14.1 ФЗ "О погребении и похоронном деле", которые предписывают компетентным органам не выдавать тела террористов, которые погибли в результате пресечения террористического акта.

25. Изучив применимое национальное законодательство, Суд отмечает, что по общему правилу в России родственникам умершего, желающим организовать погребение, законодательно гарантировано быстрое возвращение тела для захоронения после установления причины смерти. На них также распространяется правовой режим, наделяющий их правом исполнить волеизъявление умершего в отношении погребения или принять решение о том, как будет совершаться погребение; в обоих случаях ограничения могут быть наложены только в связи с нормами безопасности и санитарными требованиями (см. п.п. 3-8 ФЗ "О погребении и похоронном деле" в постановлении *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 65).

26. С учетом изложенного, Суд отмечает, что отказ властей вернуть тело Исы Куштова со ссылкой на ст. 14.1 ФЗ "О погребении и похоронном деле" и п. 3 Постановления № 164 от 20 марта 2003 г. представлял собой исключение из общего правила и явно лишал заявителей возможности организовать и принять участие в захоронении тела своего родственника, а также узнать место захоронения и в последующем посещать его.

27. С учетом своей прецедентной практики и изложенных выше обстоятельствах дела Суд приходит к выводу о том, что рассматриваемая мера являлась вмешательством в частную и семейную жизнь заявителей по смыслу статьи 8 Конвенции (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 123 и *Maskhadova and Others*,

цит. выше, § 212). Остается выяснить, было ли вмешательство оправданным, как того требует второй параграф данной нормы.

(b) Было ли вмешательство оправданным

(i) "Предусмотрено законом"

28. Согласно прецедентному праву Суда, выражение "предусмотрено законом" в пункте 2 статьи 8 требует, среди прочего, чтобы рассматриваемая мера была основана на национальном законодательстве (см., например, *Aleksandra Dmitriyeva v. Russia*, № 9390/05, §§ 104-07, 3 ноября 2011), а также отсылает к качеству рассматриваемого законодательства, требуя, чтобы оно было доступным лицу, которого оно затрагивает, а результаты его применения были предсказуемы (см. *Rotaru v. Romania* [GC], № 28341/95, § 52, ECHR 2000-V). Для того чтобы соответствовать критерию предсказуемости, законодательство должно с достаточной степенью точности устанавливать условия, при которых возможно применение конкретной меры с тем, чтобы лица, которых оно затрагивает, могли – при необходимости воспользовавшись соответствующей консультацией – регулировать свое поведение.

29. Суд отмечает, что рассматриваемая мера была принята в соответствии с положениями ФЗ "О противодействии терроризму", ФЗ "О погребении и похоронном деле" и Постановления № 164 от 20 марта 2003 г., которое гласит, что "[тело] террориста, смерть которого наступила в результате пресечения совершенной им террористической акции" не передается для захоронения, а место захоронения не разглашается.

30. Суд приходит к выводу о том, что в постановлении от 11 октября 2006 г. и документах, представленных государством-ответчиком, было четко установлено, что погибший родственник заявителей принимал участие в военной и подрывной деятельности Шамиля Басаева. Таким образом, Суд полагает, что отказ властей выдать тело родственника заявителей для захоронения был обоснован с точки зрения российского законодательства.

31. По мнению Суда, иные вопросы, касающиеся законности, а именно, вопросы о предсказуемости и четкости законодательных актов, и, в частности, об автоматическом характере нормы и предполагаемой неточности некоторых понятий, тесно связаны с вопросом пропорциональности и должны быть рассмотрены в качестве аспекта данного требования в рамках части 2 статьи 8 (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 127 и *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 216).

(ii) Правомерная цель

32. Суд отмечает, что в подтверждение обоснованности данной меры государство-ответчик ссылается на Постановление Конституционного суда № 8-П от 28 июня 2007 г., в котором в отношении ст. 14.1 ФЗ "О погребении и похоронном деле" и Постановления № 164 от 20 марта 2003 г. указано, что принятие данной нормы обуславливают "интересы пресечения терроризма, его общей и специальной превенции, ликвидации последствий террористических актов, сопряженных с возможностью массовых

беспорядков, столкновений различных этнических групп, эксцессов между родственниками лиц, причастных к террористическим актам, населением и правоохранительными органами, угрозой жизни и здоровью людей". Также в нем указано на необходимость "минимизации информационного и психологического воздействия, оказанного на население террористическим актом, в том числе ослабление его агитационно-пропагандистского эффекта". Конституционный суд также указал, что "захоронение лица, принимавшего участие в террористическом акте, в непосредственной близости от могил жертв его действий, совершение обрядов захоронения и поминовения с отдаванием почестей как символу, как объекту поклонения, с одной стороны, служат пропаганде идей террора, а с другой - оскорбляют чувства родственников жертв этого акта и создают предпосылки для нагнетания межнациональной и религиозной розни" (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 33 и *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 125).

33. С учетом вышеописанных пояснений, Суд приходит к выводу о том, что рассматриваемая мера может считаться принятой в интересах национальной безопасности, в целях предотвращения беспорядков, для защиты прав и свобод других лиц.

34. Остается выяснить, была ли принятая мера "необходимой в демократическом обществе" для достижения заявленных целей.

(iii) *Необходимость в демократическом обществе*

(a) *Общие принципы*

35. Вмешательство будет считаться "необходимым в демократическом обществе" для достижения правомерной цели, если оно предпринимается в ответ на "наущную социальную потребность" и, в частности, если оно пропорционально преследуемой правомерной цели и если причины, приведенные национальными властями в его обоснование, "относимы и достаточны" (см., например, *Coster v. The United Kingdom* [GC], № 24876/94, § 104, 18 января 2001 г. и *S. and Marper v. the United Kingdom* [GC], №№ 30562/04 и 30566/04, § 101, ECHR 2008).

36. Предмет и цель Конвенции как международного договора в области права человека, который защищает права лиц на объективных основаниях (см. *Neulinger and Shuruk v. Switzerland* [GC], № 41615/07, § 145, ECHR 2010), диктуют необходимость толкования и применения ее норм таким образом, чтобы ее гарантии оставались эффективными на практике (см., среди других источников, *Artico v. Italy*, 13 мая 1980 г., § 33, Серии А № 37). Таким образом, для обеспечения "уважения" частной и семейной жизни по смыслу статьи 8 должны приниматься во внимание особенности каждого дела с тем, чтобы избежать механического применения национального законодательства в конкретной ситуации (см., из недавних источников, *Nada v. Switzerland* [GC], № 10593/08, §§ 181-185, 12 сентября 2012 г.).

37. Суд ранее признавал, что для того, чтобы мера рассматривалась в качестве пропорциональной и необходимой в демократическом обществе, необходимо исключить возможность применения альтернативной меры, которая причинила бы меньший вред

рассматриваемому основополагающему праву, но в то же время достигла бы заявленной же цели (см. *Nada*, цит. выше, § 183).

38. Окончательная оценка того, является ли вмешательство необходимым, остается в ведении Суда, который устанавливает его соответствие требованиями Конвенции. Компетентные власти государства наделяются в этом отношении свободой усмотрения. Ширина свободы усмотрения может быть различной; она зависит от ряда факторов, в том числе, от характера конвенционного права, которое было затронуто, его важности для лица, характера вмешательства и цели, которое преследовало вмешательство (см. *S. and Marper*, цит. выше, § 102). Суд неоднократно подчеркивал, что он понимает, что терроризм и насилие, связанное с терроризмом, представляют для государств особую угрозу (см., *mutatis mutandis*, *Brogan and Others v. the United Kingdom*, 29 ноября 1988 г., § 61, Серии A no. 145-B; *Öcalan v. Turkey* [GC], № 46221/99, §§ 104, 192-196, ECHR 2005-IV; *Ramirez Sanchez v. France* [GC], № 59450/00, §§ 115-116, ECHR 2006-IX; и *Finogenov and Others v. Russia*, №№ 18299/03 и 27311/03, § 212, ECHR 2011 (выдержки)). Свобода усмотрения, как правило, будет более узкой в тех случаях, когда речь идет о праве, обеспечивающем лицу возможность эффективно пользоваться [другими] личными или ключевыми правами (см. *Connors v. the United Kingdom*, № 66746/01, § 82, 27 мая 2004 г., а также содержащиеся в указанном постановлении ссылки). Когда речь идет об особенно важной составляющей существования или личности заявителя свобода усмотрения государства будет ограничена (см. *Evans v. the United Kingdom* [GC], № 6339/05, § 77, ECHR 2007-I).

(β) Применение указанных принципов

39. Чтобы ответить на вопрос о том, были ли меры, принятые в отношении заявителей и касающиеся тела Исы Куштова, пропорциональными правомерной цели, которую они предположительно преследовали, а также о том, были ли причины, приведенные национальными властями "относимыми и достаточными", Суд должен выяснить, уделили ли российские власти достаточно внимания особому характеру дела, а также была ли принятая мера обоснована с учетом соответствующих обстоятельств дела и свободы усмотрения властей.

40. Для этого Суд готов учесть различные обстоятельства, имевшие место до принятия постановления от 11 октября 2006 г., в том числе, деятельность Шамиля Басаева, а также тот факт, что риск новых нападений или столкновений между различными этническими и религиозными группами, проживающими в этом регионе Северного Кавказа, был достаточно серьезным. Однако применение рассматриваемой меры должно иметь убедительное объяснение и обоснование в каждом конкретном деле (см., *mutatis mutandis*, *Nada*, цит. выше, § 186).

41. В отношении критики со стороны заявителей, касающейся чрезмерной широты некоторых понятий и других предполагаемых недостатков применимого законодательства, Суд изначально отмечает, что при рассмотрении индивидуальных жалоб в его задачи, как правило, не входит абстрактная оценка применимого законодательства или конкретной практики. Вместо этого он по мере возможности

должен сосредоточиться на изучении вопросов, поднятых в рассматриваемом им деле, не теряя при этом из виду общий контекст. Поэтому в данном деле задачей Суда является не оценка, *in abstracto*, соответствия указанной нормы требованиям Конвенции, а определение, *in concreto*, влияния рассматриваемого вмешательства на частную и семейную жизнь заявителей (см., в качестве недавнего источника, *Nejdet Şahin and Perihan Şahin v. Turkey* [GC], no. 13279/05, §§ 68-70, 20 октября 2011 г.).

42. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что в результате принятия постановления от 11 октября 2006 г. заявители были лишены возможности, по общему правилу гарантированной близким родственникам любого погибшего человека в России, организовать и принять участие в захоронении тела погибшего члена их семьи, а также знать о месте захоронения и посещать его в дальнейшем (см. соответствующие нормы ФЗ "О погребении и похоронном деле" в *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 65). Суд полагает, что вмешательство в право заявителей, гарантированное статьей 8, имевшее место в результате применения указанной меры, было особенно суровым в виду того, что оно сделало их участие в соответствующих обрядах захоронения абсолютно невозможным, а также предполагало запрет на разглашение местонахождения могилы, что навсегда разорвало все связи между заявителями и местонахождением останков погибшего. В этом отношении Суд также ссылается на практику различных международных инстанций, которые в делах, касающихся применения схожих мер, сочли такое вмешательство в права заявителей особенно суровым (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, §§ 92-96).

43. Суд далее отмечает, что следствие установило, что Иса Куштов в качестве члена террористической группы Шамиля Басаева принимал участие в деятельности незаконных вооруженных формирований (см. п. 14 выше). Изучив материалы дела, Суд готов использовать эти выводы о фактах в своем дальнейшем анализе.

44. С учетом характера действий погибшего, обстоятельств его смерти и исключительно сложного этнического и религиозного контекста в этом регионе России, Суд не может исключить, что некоторые меры, ограничивающие права заявителей, связанные с организацией захоронения погибших, могли быть оправданы, согласно статье 8 Конвенции, и могли преследовать цели, названные государством-ответчиком (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 140; и *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 230).

45. В принципе Суд может согласиться с тем, что в зависимости от конкретного места, в котором было запланировано проведение обрядов и захоронения, в виду характера и последствий деятельности погибшего и других относимых факторов, связанных с контекстом, разумно было бы ожидать от властей вмешательства с целью предотвращения возможных беспорядков или незаконных действий со стороны лиц, поддерживающих цели и деятельность погибшего или противостоящих им, которые могли быть совершены в ходе или после соответствующих обрядов, а также вмешательства, направленного на решение других проблем, которые могли бы возникнуть в этом отношении, названных государством-ответчиком.

46. Суд также может согласиться с тем, что при осуществлении соответствующего вмешательства власти были вправе действовать таким образом, чтобы минимизировать информационные и психологические последствия террористического акта для населения, оберегая при этом чувства родственников жертв террористических актов. Такое вмешательство, безусловно, могло бы ограничить возможность заявителей выбрать время, место и способ проведения соответствующих похоронных обрядов и захоронения или даже напрямую их регулировать.

47. В то же время, Суду сложно согласиться с тем, что какая-либо из заявленных целей способна оправдать все аспекты рассматриваемой меры. В частности, он не видит в этих целях разумного основания для полного лишения заявителей возможности участвовать в соответствующих похоронных обрядах или хотя бы в какой-то форме попрощаться с погибшим.

48. Суд приходит к выводу о том, что власти не провели какой-либо оценки в этом отношении в настоящем деле. Компетентное должностное лицо не провело какого-либо анализа, в котором были бы учтены индивидуальные обстоятельства погибшего и членов его семьи (см. п. 15 выше). Причиной этому было то, что применимое законодательство не рассматривало эти обстоятельства в качестве относимых, а решение от 11 октября 2006 г. носило исключительно автоматический характер. Учитывая значение, которое данное ограничение имело для заявителей, Суд считает, что "автоматический" характер решения противоречит обязательству государства по статье 8, требующей, чтобы государство проявляло должную заботу о том, чтобы любое вмешательство в право на уважение частой и семейной жизни было обоснованным и пропорциональным с учетом конкретных обстоятельств каждого дела (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 144 and *Maskhadova and Others v. Russia*, цит. выше, § 235).

49. Суд напоминает, что действуя в соответствии с требованием о пропорциональности, предусмотренным статьей 8, власти в первую очередь должны исключить возможность применения альтернативных мер, которые причинили бы меньший вред затрагиваемому фундаментальному праву, достигнув при этом той же цели. Мера, принятая в отсутствие такого индивидуализированного подхода, в основном выступает в качестве наказания для заявителей, так как перекладывает на родственников и членов семей погибшего бремя негативных последствий его деятельности (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 145 and *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 236).

50. Таким образом, с учетом автоматического характера меры, а также несоблюдения властями принципа пропорциональности Суд приходит к выводу о том, что рассматриваемая мера не отвечала требованию о справедливом балансе между правом заявителей на защиту частной и семейной жизни с одной стороны, и правомерными целями [защиты] общественной безопасности, предотвращения беспорядков и защиты прав и свободы других лиц, с другой стороны, а также что государство-ответчик перешло границы допустимой свободы усмотрения в этом отношении.

51. Следовательно, в результате вынесения постановления от 11 октября 2006 г. имело место нарушение права заявителей на

уважение частной и семейной жизни, гарантированного статьей 8 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 В СОВОКУПНОСТИ СО СТАТЬЕЙ 8 КОНВЕНЦИИ

52. Ссылаясь на статью 13 Конвенции в совокупности со статьей 8 Конвенции, заявители также жаловались на отсутствие эффективного средства правовой защиты в отношении отказа властей вернуть тело Исы Куштова.

Статья 13 Конвенции

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве."

53. Государство-ответчик указало, что заявители получили официальное уведомление и ответы от властей; их доступ к суду в связи с рассматриваемым решением не ограничивался.

А. Приемлемость

54. На основании представленных материалов Суд приходит к выводу о том, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Он также отмечает, что эта часть жалобы не является неприемлемой по какому-либо иному основанию. Следовательно она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Применимые принципы

55. Суд отмечает, что статья 13 гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты, позволяющего обратиться с жалобой на нарушения прав и свобод, гарантированных Конвенцией. Поэтому, хотя государствам-участникам и предоставляется некоторая свобода усмотрения в выборе способа исполнения своих обязательств по данной статье, на национальном уровне должно существовать средство правовой защиты, в рамках которого уполномоченный орган может рассмотреть жалобу на нарушение конвенционного права по существу и при необходимости восстановить права [заявителя]. Объем обязательств в рамках статьи 13 различается в зависимости от характера жалобы заявителя по Конвенции, но в любом случае средство правовой защиты должно быть "эффективным" как на практике, так и с точки зрения закона; в частности, действия или бездействие властей государства не должны необоснованно ограничивать возможность его использования (см. *Büyükdag v. Turkey*, № 28340/95, § 64, 21 декабря 2000 г., а также дела процитированные в данном постановлении, в особенности, *Aksoy*, цит. выше, § 95). В некоторых случаях, общеправовые средства защиты, предусмотренные национальным законодательством, могут

соответствовать требованиям статьи 13 (см., в частности, *Leander v. Sweden*, 26 марта 1987 г., § 77, Серии А no. 116).

56. Однако статья 13 требует создания в рамках национального законодательства средств правовой защиты только в отношении тех жалоб, которые могут быть признаны "доказуемыми" в терминологии Конвенции (см., например, *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, 27 April 1988, § 54, Series A no. 131). Она не гарантирует средство правовой защиты, которое бы позволяло обжаловать в государственных органах законодательство государств-участников на основании его несоответствия Конвенции (см. *Costello-Roberts v. the United Kingdom*, 25 марта 1993 г., § 40, Серии А no. 247-С); она лишь призвана обеспечить, чтобы в национальном правовом порядке каждый, имеющий доказуемую жалобу на нарушение конвенционного права имел доступ к эффективному средству правовой защиты (*ibid.*, § 39).

2. Применение указанных принципов в настоящем деле

57. Суд полагает, что, учитывая его вывод о приемлемости жалобы по статье 8 (см. п. 24 выше), данная жалоба была доказуемой. Таким образом, остается выяснить, предоставляло ли российское законодательство заявителям доступ к эффективному средству правовой защиты, к которому они могли бы обратиться с жалобой о нарушении их конвенционных прав.

58. Суд отмечает, что национальные судебные инстанции были не вправе дать оценку необходимости применения мер, указанных в ст. 14.1 ФЗ "О погребении и похоронном деле" и Постановлении № 164 от 20 марта 2003 г. (см. п.п. 17-18 выше). Он также напоминает, что в недавно вынесенных постановлениях по делам *Sabanchiyeva and Others* (цит. выше, §§ 153-156) и *Maskhadova and Others case* (цит. выше, §§ 244-246) Суд пришел к выводу о том, что рассматриваемое законодательство "не предоставляло заявителям достаточных процессуальных гарантий против произвола", как до, так и после вынесения Конституционным судом Постановлений №-8 от 28 июня 2007 г. и № 16-П от 14 июля 2011 г. Указанные выводы были сделаны, в частности, в связи с ограниченными полномочиями судов по рассмотрению обоснованности такого рода решений по существу.

59. С учетом данных обстоятельств Суд приходит к выводу о том, что государство-ответчик не смогло доказать, что национальная правовая система предоставила заявителям возможности для эффективного судебного контроля в отношении постановления от 11 октября 2006 г.; Суд постановляет, что у заявителей не было доступа к эффективному средству правовой защиты в отношении нарушений Конвенции, на которые они жаловались.

60. Соответственно Суд приходит к выводу о том, что имело место нарушение статьи 13 в совокупности со статьей 8.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 И 9 КОНВЕНЦИИ

61. В дополнение к своим доводам в рамках статьи 8 Конвенции заявители также утверждали, что отказ властей вернуть тело Исы Куштова являлся нарушением статей 3 и 9 Конвенции

62. На основании представленных материалов Суд приходит к выводу о том, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Он также отмечает, что эта часть жалобы не является неприемлемой по какому-либо иному основанию. Следовательно она должна быть признана приемлемой.

63. Суд полагает, что с учетом конкретных обстоятельств данного дела и оснований, которые привели его к выводу о нарушении статьи 8 и статьи 13 в совокупности со статьей 8, нет необходимости рассматривать те же факты с точки зрения статей 3 и 9 (см. также *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, §§ 157 и 158; и *Maskhadova and Others*, цит. выше, §§ 248-249).

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

64. Заявители утверждали, что отказ вернуть тело Исы Куштова являлся нарушением его права на презумпцию невиновности, гарантированного статьей 6 § 2 Конвенции, которая гласит:

"Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком."

65. Суд отмечает, что вывод уполномоченного должностного лица о том, что погибший участвовал в террористической деятельности, являлся неотъемлемой частью решения не возвращать его тело. Этот фактический вывод был сделан только в отношении погибшего и не касался заявителей или других членов их семей. Таким образом, принимая во внимание ссылку заявителей на статью 6 § 2 Конвенции, нельзя утверждать, что они были затронуты рассматриваемой мерой (см. *Sabanchiyeva and Others v. Russia* (решение по вопросу приемлемости), по. 38450/05, 6 ноября 2008 г.).

66. Следовательно данная часть жалобы несовместима *ratione personae* с положениями Конвенции по смыслу статьи 35 § 3 и должна быть отклонена согласно статье 35 § 4.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 В СОВОКУПНОСТИ СО СТАТЬЕЙ 8 КОНВЕНЦИИ

67. Заявители полагали, что отказ властей вернуть тело Исы Куштова являлся дискриминацией, так как рассматриваемое законодательство было направлено исключительно на лиц, исповедующих ислам. Они ссылались на статью 14 Конвенции, которая гласит:

"Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам."

68. Государство-ответчик оспаривало эти доводы и утверждало, что рассматриваемое постановление не было дискриминационным.

69. Рассмотрев материалы, представленные сторонами, Суд не обнаружил подтверждения тому, что рассматриваемое

законодательство было направлено исключительно против последователей ислама, или тому, что заявители подверглись иному обращению, чем лица в схожей ситуации, исключительно на основании их религиозной принадлежности или этнического происхождения (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 162 и *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 253).

70. Таким образом, Суд приходит к выводу, что данная часть жалобы явно необоснованна и должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 §§ 1 и 4 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

71. Статья 41 Конвенции гласит:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне"

A. Вред

72. Заявители утверждали, что им был причинен очень серьезный моральный вред; каждый из них требовал компенсации в размере 25 000 евро. Они также требовали, чтобы Суд обязал государство-ответчика передать останки Исы Куштова или раскрыть информацию об обстоятельствах его захоронения, в том числе, о местонахождении его могилы, а также отменить рассматриваемое национальное законодательство.

73. Государство-ответчик утверждало, что эти требования необоснованны и чрезмерны в целом.

74. Суд полагает, что с учетом обстоятельств данного дела вывод о нарушении статьи 8 Конвенции в отдельности, а также в совокупности со статьей 13 является достаточной справедливой компенсацией для заявителей.

B. Расходы и издержки

75. Заявители также требовали компенсации расходов на юридическую помощь и иных расходов, понесенных в ходе разбирательства в г. Страсбурге, в размере 7 690 евро.

76. Государство-ответчик утверждало, что заявленная сумма слишком велика и необоснованна.

77. Согласно прецедентному праву Суда, заявитель вправе требовать возмещения расходов и издержек только в той степени, в которой он доказал, что они действительно были понесены и были необходимы, а их размер разумен. С учетом документов, находящихся в его распоряжении, Суд считает разумным присудить заявителям сумму, которую они требуют, а также любой налог, взимаемый с этой суммы. Согласно желанию заявителей, данная сумма должна быть выплачена «Правовой инициативе по России» напрямую.

С. Процентная ставка при просрочке платежа

78. Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

В СВЯЗИ С ВЫШЕИЗЛОЖЕННЫМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобы заявителей на нарушение статьей 3 и 9 Конвенции, а также их жалобы на нарушение статьи 8 в отдельности и в совокупности со статьей 13 Конвенции в связи с отказом вернуть тело Исы Куштова приемлемыми, а оставшуюся часть жалобы – неприемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции в связи с постановлением от 11 октября 2006 г.;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 13 в совокупности со статьей 8 в связи с отсутствием эффективных средств правовой защиты в отношении постановления 11 октября 2006 г.;
4. *Постановляет*, что с учетом выводов, к которым он пришел в рамках статей 8 и 13 Конвенции, нет необходимости отдельно рассматривать дело в свете статей 3 и 9 Конвенции;
5. *Постановляет*
 - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителям совместно в качестве компенсации расходов и издержек 7 690 евро (семь тысяч шестьсот девяносто евро), а также сумму налогов, которые могут быть начислены на указанную сумму; выплаты необходимо произвести на банковский счет, указанный организацией-представителем заявителей;
 - (b) что простые проценты по предельным годовым ставкам по займам Европейского центрального банка плюс три процента подлежат выплате по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до момента выплаты.
6. *Отклоняет* остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке. Уведомление о постановлении направлено в письменном виде 16 января 2014 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сёрен Нильсен
Секретарь

Изабель Берро-Левефр
Председатель

Согласно статье 45 § 2 Конвенции и Регламенту Суда к настоящему постановлению прилагается особое мнение судьи Дедова.

.

И.Б.Л.
С.Н.

ДЕКЛАРАЦИЯ СУДЬИ ДЕДОВА

В отличие от обстоятельств, описанных в постановлениях *Sabanchiyeva and Others v. Russia* и *Maskhadova and Others v. Russia*, в данном деле отсутствуют доказательства массовых беспорядков или насилия, связанного с террористической деятельностью. Поэтому я считаю подход Суда к оценке обоснованности и пропорциональности вмешательства применимым в конкретных обстоятельствах дела.